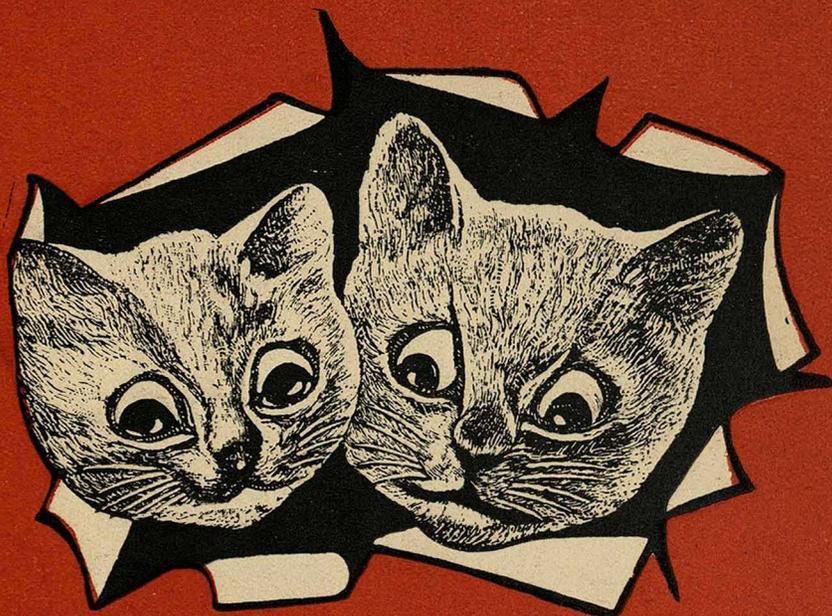

Годъ изданія пятый.

МАЙ.

№ 14.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

КУТЬКА.
НОЧЬ.
МАРУСЯ (повѣсть).
ВЪ МАѢ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Рыцарскій замокъ для склеиванія.

3000 THE TACTBO

THE TACTBO

THE TACTBO

THE TACTBO
THE TACTBO
THE TACTBO
THE TACTBO
THE TACTBO
THE TACTBO

THE TACTBO

Золотое Дѣтство

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Продолжается подписка

на художественно-литературный журналъ для дѣтей

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 нум. въ годъ). При кажд. нум. приложенія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ годъ **ТРИ руб. 80 к.**

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Каменноостровскій пр., 22.

== ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ. ==

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

Въ семейномъ кругу.

ИСТОРИИ О СОБАКАХЪ.

3. Кутька.

Мать стирала, когда Коля принесъ домой щенка.

— На что онъ намъ? встревожилась она.— Нѣтъ, нѣтъ, неси его назадъ!

Коля заплакалъ, обнялъ щенка и долго пролежалъ съ нимъ прямо на полу, лицомъ внизъ. Матери стало жалко Колю, игрушекъ у него никогда не бывало и этотъ щенокъ могъ служить для него развлеченіемъ. Она наклонилась надъ сыномъ и спросила его:

— Откуда ты его взялъ?

По тону ея голоса онъ догадался, что она хочетъ измѣнить свое намѣреніе, и вскочилъ.

— Я нашелъ его на улицѣ въ канавѣ, заговорилъ онъ.— Слышу что-то пищить, я нагнулся, гляжу,— а это щеночекъ... Мама, позволь мнѣ его оставить!

Щеночекъ былъ черненькій, лохматенькій, недавно только сталъ глядѣть, потому что глаза у него были еще мутноватые. Мать погладила его, посмотрѣла ласково на сына и разрѣшила.

— Ну, пусть останется... сказала она.

Съ этой минуты для Коли начались счастливѣйшіе дни. Онъ кормилъ щенка, клалъ его съ собою спать и когда изъ щенка выровнялась складненькая, длинно-

шерстная собачка, то лучшихъ друзей не было во всемъ свѣтѣ. Куда-бы Коля ни шелъ, его всюду сопровождала его Кутька; она играла съ нимъ, понимала всѣ его желанія и когда онъ ложился спать, то она подлѣзала къ нему подъ одеяло и, свернувшись калачикомъ, спала тамъ у самыхъ его ногъ. Коля чувствовалъ тогда, какъ по его прозябшимъ отъ сырости ногамъ разливалась приятная теплота. Когда онъ ѣлъ, она вспрыгивала на ближайшій стулъ, смотрѣла ему въ самые глаза и тявкала. Когда онъ бѣгалъ, она кругами носилась около него и, распушивъ свой хвостъ, радостно лаяла. Мать Коли тоже очень любила Кутьку и собака признавала только ихъ двоихъ: на другихъ она оскаливала зубы и злобно ворчала. Одного мальчика, который хотѣлъ ее украсть, она такъ больно укусила, что онъ выронилъ ее изъ рукъ и пнулъ ее ногою.

— Ахъ, ты дрянъ этакая! проворчалъ онъ.— Какъ ты больно кусаешься!

Такъ проходили дни за днями. Мать Коли стирала, гладила и относила заказчикамъ бѣлье, Коля ходилъ въ приходское училище, куда сопровождала его и Кутька,

и затѣмъ, возвратившись домой, бѣгаль съ собакой по двору. Такъ проходила ихъ скромная, незамысловатая жизнь. Коля скоро окончилъ свое ученье и наступила наконецъ осень, когда нужно было пристроить его къ какому-нибудь ремеслу.

— Что онъ у тебя зря болтается? говорили его матери сосѣдки.— Пора его отдавать въ люди! Не въ господу вѣдь ты его готовишь!

Матери было жалко разставаться съ Колей, но въ бѣдной крестьянской средѣ объ этомъ не разсуждаютъ и отдаютъ мальчиковъ туда, гдѣ раньше откроется мѣсто или представится случай. Такъ случилось и съ Колей.

У сосѣдней кухарки былъ братъ, который скупалъ у крестьянъ по деревнямъ телятъ и продавалъ ихъ въ городъ къ мяснику. Мясникъ рѣзалъ ихъ, сдиралъ съ нихъ шкуры и изъ Божьихъ созданий, которыя еще такъ недавно смотрѣли дѣтскими, наивными глазами и прыгали по травѣ, получались неприятные куски мяса, ноздри и уши для студня и языки.

Когда пріѣхалъ къ этой сосѣдской кухаркѣ ея братъ, то она вспомнила о Колѣ и побѣжала къ его матери.

— Иди скорѣе, Софья, ко мнѣ! сказала она.— У меня сейчасъ сидитъ братецъ Иванъ Пантелеичъ и чай пьетъ! Попроси его за тво-

его Кольку! Онъ похлопочетъ и пристроитъ его къ мѣсту!

Робкая, забитая нищетою, привыкшая всѣмъ повиноваться, Софья послушно отправилась къ сосѣдней кухаркѣ и, войдя въ кухню, увидѣла тамъ толстаго мужчину, который, разстегнувъ жилетку и широко разставивъ колѣнки, громко кусалъ сахаръ, держалъ на всей пятернѣ блюдце и дулъ на чай съ такимъ видомъ, точно старался затушить цѣлый пожаръ. Около него стоялъ большой самоваръ.

— Вотъ, братецъ, онъ пришли попросить васъ за своего сынка, указала на Софью кухарка.— Чтобы по мясной части...

Братецъ отставилъ блюдце въ сторону, отеръ лобъ и шею краснымъ платкомъ и положилъ руки на колѣни.

— Что-жъ, это можно-съ... отвѣтилъ онъ.— Я могу попросить за нихъ Назара Захарыча...

— Будьте такіе добрые, братецъ, попросила за Софью кухарка.

Софья вдругъ стало страшно, что такъ скоро и легко могло кончиться дѣло.

— Очень хорошо-съ, отвѣтилъ братецъ.— Такъ приводите вашего мальчика сюда черезъ часикъ... Я вздремну немного послѣ чайку, а потомъ съ нимъ и поѣду...

— Куда? съ тревогой спросила Софья.

— Къ Назару Захарычу, въ городъ-съ!..

— Такъ скоро? Сегодня?

— А что-же съ?

Софья хотѣла было возражать, не соглашались, но кухарка и братецъ посмотрѣли на нее такими глазами, что она не съумѣла это сдѣлать и только въ смущеніи затеребила концы своего платка.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!.. только и смогла она сказать.

— Да ты, Софьюшка, словно недовольна, упрекнула ее кухарка.—Тебѣ Господь счастье посылаетъ, а ты ломаешься... Въ господя своего Кольку готовишь, что-ли?

Послѣдней фразой часто упрекали Софью. Она любила и ласкала своего сына и ей больно было это слышать и въ то-же время, по робости, она опасалась, что дѣйствительно портить его судьбу, удерживая его при себѣ и не посылая его въ большой городъ.

— Иди-же скорѣй, продолжала кухарка,—собери Николая въ дорогу, да и счастливый ему путь! Нечего ему тутъ баклуши бить!

Софья молча вышла изъ кухни и отправилась къ себѣ. Коля сидѣлъ у стола и что-то съ серьезнымъ видомъ строгаля. Кутька сидѣла около него на стулѣ и внимательно слѣдила за каждымъ его движеніемъ.

Начались сборы, Коля расплакался, плакала и сама Софья, но обстоятельства какъ-то сразу такъ сложились, что медлить было не-

чего, и черезъ часъ Коля уже сидѣлъ съ братцемъ Иваномъ Пантелеичемъ въ телѣгѣ и ѣхалъ въ городъ. Тамъ онъ, выросшій около матери, нѣжный по природѣ, любившій деревья и цвѣты, животныхъ и птицъ, попалъ въ мясную лавку, къ грубому хозяину-мяснику и для него начались тяжелые, печальные дни. Съ утра и до вечера онъ долженъ былъ проводить около мяса, пачкаться въ крови, помогать молодцамъ разрубать туши на части, при чемъ ему всякій разъ такъ и казалось, что вотъ-вотъ его самого ударятъ топоромъ по головѣ или отхватятъ часть руки, и когда онъ приходилъ по вечерамъ домой и ложился, усталый, къ себѣ въ грязный уголъ спать, то долго не могъ заснуть отъ преслѣдовавшаго его запаха крови. А когда онъ наконецъ забывался и засыпалъ, то его вскорѣ-же будили и еще до разсвѣта вели на бойню, гдѣ онъ съ ужасомъ глядѣлъ на страданія животныхъ.

„Господи, шепталъ онъ при этомъ и отворачивался, чтобы не глядѣть на то, что передъ нимъ происходило,—зачѣмъ я здѣсь? Зачѣмъ я сюда попалъ?“

Одинъ разъ онъ написалъ къ своей матери Софѣ письмо, въ которомъ жаловался на свою судьбу, описывалъ ей, какъ жестоки люди къ животнымъ и какъ часто его бьетъ хозяинъ, но письмо это

попало въ руки какъ разъ именно къ хозяину и онъ разорвалъ его, а Колѣ далъ лишній подзатыльникъ.

— Стой у двери! крикнулъ онъ на него.— Гляди и приучайся! Не чего тутъ! Не баринъ!

Кромѣ того, Коля сильно скучалъ по матери и по Кутыкѣ и часто о нихъ думалъ. Онъ снились ему во снѣ и это были единственные минуты, когда онъ былъ въ большомъ городѣ счастливъ.

— Хоть - бы умереть, думалъ онъ.— Я больше не увижу ихъ никогда.

Недалеко отъ мясной лавки, на противоположной сторонѣ улицы, былъ чей-то красивый домъ, съ параднымъ крыльцомъ, и съ большимъ садомъ, тянувшимся вдоль тротуара. Въ немъ были расчищены дорожки и усыпаны песочкомъ и была посажена такая масса цвѣтовъ, что запахъ отъ нихъ доходилъ иногда до сосѣднихъ домовъ. Всякій разъ, когда Колю посылали куда -нибудь изъ мясной лавки, онъ нарочно проходилъ мимо этого сада, останавливался около его рѣшетки и долго смотрѣлъ на цвѣты. Это вошло у него въ привычку. Быть около цвѣтовъ стало составлять для него потребность. Глядя на нихъ, онъ воображалъ себя въ деревнѣ, чувствовалъ себя ближе къ Богу и ихъ аромать, вливаясь къ нему въ сердце, наполнялъ его душу ка-

кимъ - то страннымъ благоговѣніемъ. Эти домъ и садъ съ цвѣтами стали для него святыней. Онъ не бывалъ еще ни разу въ церкви, такъ какъ занятіе мясника заставляло его стоять въ лавкѣ уже тогда, когда звонили къ ранней обѣднѣ, и этотъ садъ съ цвѣтами замѣнялъ ему храмъ.

Часто, когда онъ такъ стоялъ и смотрѣлъ черезъ рѣшетку, изъ дома выходила нарядная дѣвочка лѣтъ восьми, бѣгала по дорожкамъ и щебетала, какъ птичка. Одинъ разъ она подошла къ рѣшеткѣ и долго смотрѣла на Колю.

— Мальчикъ, ты кто? спросила она его.

Онъ замялся. Ему стыдно было сказать, что онъ—мясникъ.

— Я люблю глядѣть, барышня, на ваши цвѣты... отвѣтилъ онъ ей наконецъ.

— Ну, гляди, гляди!.. сказала она и одинъ разъ сорвала цвѣточекъ и подала ему сквозь спицы рѣшетки.

Онъ понюхалъ его и спряталъ у себя на груди. Ему казалось, что этотъ цвѣточекъ будетъ служить для него связью съ той жизнью, которой онъ такъ рѣзко и быстро лишился и къ которой всегда будетъ душою принадлежать.

Въ другой разъ дѣвочка спросила его, какъ его зовутъ? Онъ отвѣтилъ. Она мечтательно поглядѣла на цвѣты и сказала:

— А меня—Маргаритой. Вотъ и эти цвѣточки—тоже называются маргаритки. Но папа и мама зовутъ меня просто—Гретя.

И между имъ и Гретей установилось знакомство. Всякій разъ, проходя мимо дорогого сада, онъ останавливался передъ рѣшеткой и, если случалось ему видѣть Гретю, то онъ кланялся ей. Она отвѣчала ему улыбкой.

Проводивъ Колю, Софья долго не могла привыкнуть къ одиночеству, тосковала по немъ и все время обвиняла себя въ томъ, что такъ скоро согласилась съ нимъ разстаться. Но дѣлать было нечего, всѣ мальчики его возраста служили въ городѣ, и ей приходилось съ этимъ примириться, Единственнымъ ея развлеченіемъ, единственною ея связью съ сыномъ—была Кутька. Она ее веселила, развлекала ее и напоминала ей о сынѣ. Въ первое время послѣ отъѣзда Коли, Кутька очень скучала, часто скулила и иногда далеко убѣгала по дорогѣ въ большой городъ, останавливалась, нюхала воздухъ и возвращалась обратно. А затѣмъ привыкла къ отсутствію Коли и она.

— Что-то намъ долго не пишетъ нашъ Коля!.. часто обращалась къ ней Софья.—Здоровъ ли онъ? Не случилось-ли тамъ съ нимъ чего?..

Кутька виляла передъ ней хвостомъ, старалась заглянуть ей въ

самые глаза и Софья казалось, что и она замѣчала отсутствіе Коли, и понимала ея безпокойство и вопросъ.

Какъ-то, мѣсяца два спустя послѣ описанной исторіи, въ уѣздный городишко, въ которомъ на окраинѣ проживала Софья, опять приѣхалъ братецъ Иванъ Пантелеичъ и опять остановился у своей знакомой кухарки. Софья побѣжала къ нему, чтобы освѣδοчиться у него о сынѣ, но онъ ничего о немъ не зналъ, и она печально побрела домой. Совсѣмъ не такъ отнеслась къ этому Кутька. Она обнюхала его сапоги, телѣгу и копыта у лошади, что-то долго соображала и когда Иванъ Пантелеичъ, выпивъ у кухарки цѣлый самоваръ, поѣхалъ наконецъ въ большой городъ, то она повертѣлась около Софьи, повиляла передъ ней хвостомъ, точно прощаясь съ нею, и затѣмъ со всѣхъ ногъ пустилась догонять Ивана Пантелеича. Она всю дорогу бѣжала по его слѣдамъ, высуня языкъ и едва успѣвая полукать воды изъ встрѣчавшихся лужицъ.

Поздно вечеромъ она добѣжала за телѣгой до большого города, въ которомъ служилъ Коля. Цѣлые дни затѣмъ она бродила изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, питаясь только тѣмъ, что случайно попадалось ей на пути, и претерпѣвая гоненія и побои

отъ прохожихъ. Она хотѣла-было вернуться къ себѣ домой, къ Софѣѣ, но уже потеряла обратный слѣдъ и теперь ей предстояло остаться въ чужомъ, невѣдомомъ городѣ совсѣмъ и, быть можетъ, умереть здѣсь съ голоду или даже быть убитой. И прижавшись къ чьему-то холодному, каменному забору, худая и подурнѣвшая съ голода и съ тоски, она приглядывалась къ прохожимъ, просила взглядомъ у нихъ помощи и жалобно скулила:

— Ску-ску-ску!..

И вдругъ до нея донесся знакомый запахъ. Она вздрогнула, насторожила ушки и стала принюхиваться. Несомнѣнно, это былъ его, Коли, запахъ, но онъ заглушался какимъ-то еще другимъ, болѣе сильнымъ запахомъ коровьяго мяса, и она не могла сразу разобратъ, откуда онъ исходитъ и отъ кого имъ вдругъ запахло. Она приглядѣлась, потомъ забѣжала впередъ и назадъ и вдругъ увидала вдаль Колю. Онъ быстро шелъ съ корзинкой на головѣ и съ кулькомъ въ рукѣ — очевидно, несъ къ кому-нибудь купленную провизію. Она совсѣмъ было догнала его, но онъ вошелъ въ чью-то дверь и ей пришлось подождать. Когда онъ вышелъ снова, то она бросилась къ его ногамъ, радостно заскулила и легла на спину.

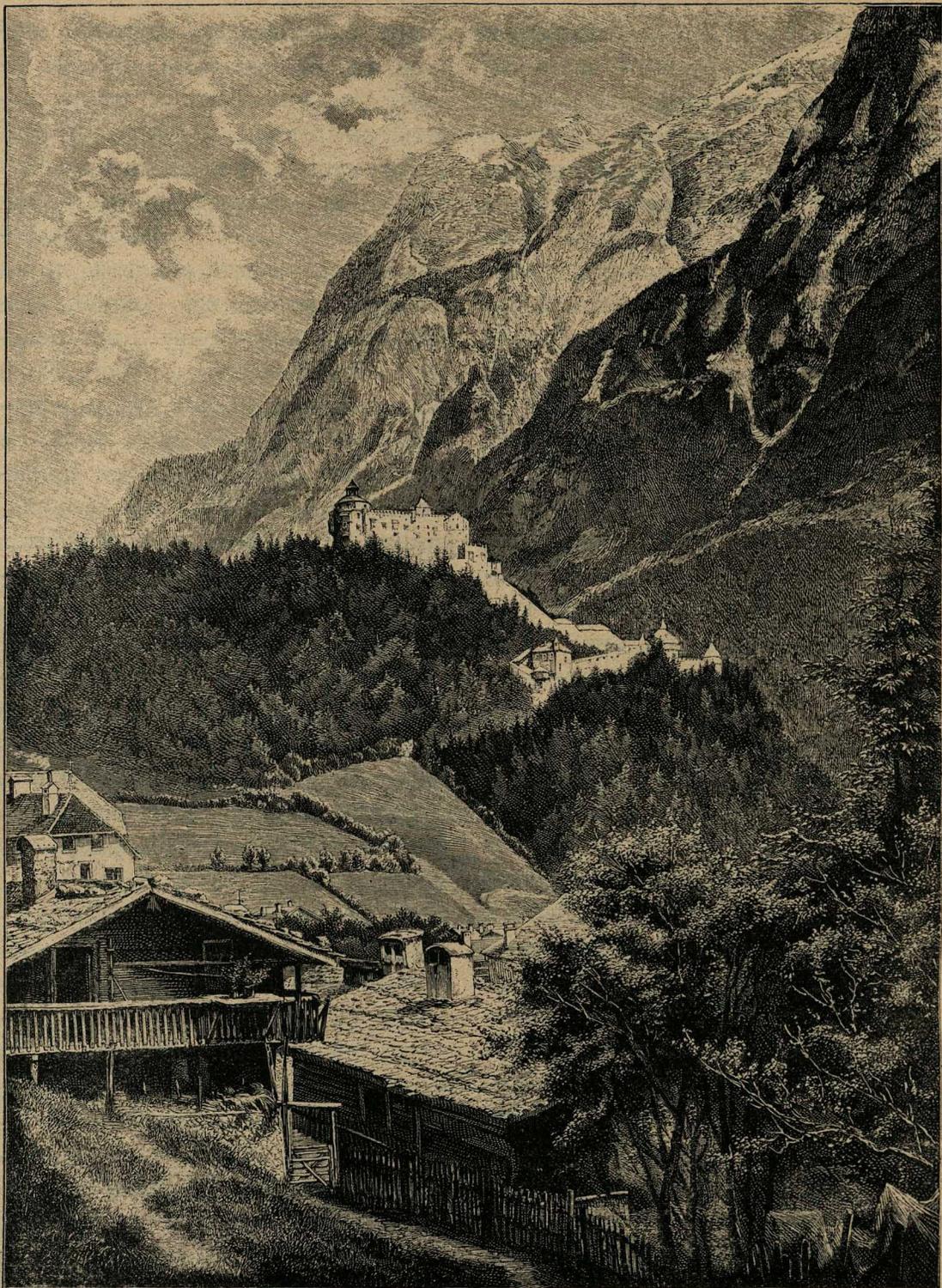
— Кутька! обрадовался онъ. — Милая дорогая моя Кутька! Откуда ты взялась?

Онъ схватилъ его на руки, прижалъ ее къ своему сердцу, заплакалъ, она завизжала, стала лизать ему руки и лицо и еще долго останавливавшіеся прохожіе видѣли эту сцену радостнаго свиданія мальчика съ собакой. Народававшись досыта, изливъ другъ передъ другомъ всю скорбь своихъ маленькихъ душъ, они наконецъ успокоились и для Коли явился теперь новый, трудно разрѣшимый вопросъ: какъ быть съ Кутькой? куда теперь ее пристроить? Онъ зналъ, что его хозяинъ ни за что не согласится оставить ее у себя, а снова разставаться съ Кутькой для Коли было уже не подъ силу. Онъ зналъ, что она затеряется въ большомъ городѣ одна и ему было-бы гораздо пріятнѣе, если-бы она убѣжала къ себѣ обратно домой, и рассказала-бы, если-бы могла, его матери Софѣѣ, какъ тяжело ему жить.

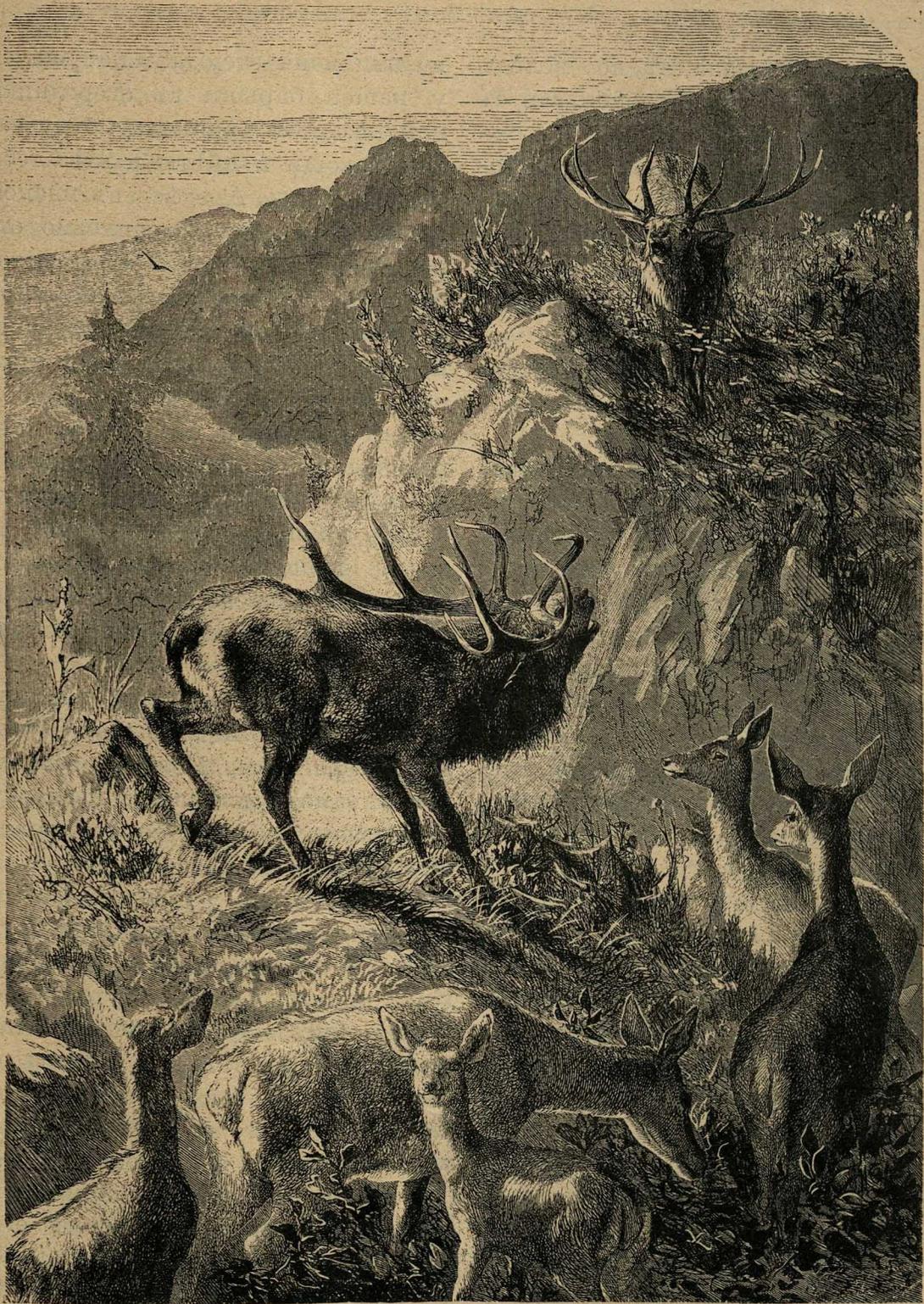
— Что же намъ съ тобой, Кутька, дѣлать? задалъ онъ ей вопросъ. — Какъ намъ быть?

Она повиляла передъ нимъ хвостомъ, засмѣялась, оскаливъ бѣлые, какъ снѣгъ, зубы и завертѣлась у его ногъ. Этимъ она хотѣла ему сказать, что готова раздѣлить его судьбу, какъ-бы тяжела она ни была.

Они шли и незамѣтно дошли наконецъ до мясной лавки. Голодной Кутькѣ ужасно хотѣлось мяс-

Замокъ въ Тиролѣ, въ Австріи.

Олени.

ца и она вбѣжала въ нее вслѣдъ за Колей и стала подбирать съ полу валявшіеся кусочки.

— Пошла вонъ, дрянъ ты этакая! вдругъ крикнуло на нее нѣсколько голосовъ и одинъ дюжій парень—мясникъ подскочилъ къ ней и такъ ударилъ ее сапогомъ, что она вылетѣла на улицу.

— Не бейте ее, братцы, сказалъ Коля.—Эта собака—моя!

— Твоя?!

И всѣ молодцы засмѣялись такъ, точно имѣть собаку было неприлично или составляло преступленіе. Коля понялъ, что ему придется разстаться съ Кутькой совсѣмъ.

Цѣлый день, пока онъ находился въ лавкѣ, Кутька сидѣла у крыльца поодаль, онъ незамѣтно бросалъ ей кусочки мяса, и никто не могъ бы подумать, что она принадлежала ему. А когда стало смеркаться и хозяинъ уѣхалъ на бойню, а молодцы разсѣлись по угламъ и стали дремать, Коля рѣшительно тряхнулъ головой, оторвалъ кусокъ оберточной бумаги и написалъ на немъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Милая мама! Если-бъ ты знала, какъ я страдаю и какъ мнѣ хочется къ тебѣ домой. Возьми меня отсюда. Меня здѣсь бьютъ и такъ дурно пахнетъ, что я не могу спать. Мнѣ хочется побѣгать по травѣ, а здѣсь все кровь, опилки и грязь. Милая мама,

возьми меня отсюда! Я попрошусь у нашей барыни въ огородники или помогать садовнику, буду сажать овощи и цвѣты и вѣкъ тебя буду кормить. А здѣсь, въ мясной лавкѣ, я не могу. Это письмо отнесетъ къ тебѣ моя Кутька, которая здѣсь, а ты, милая мама, ее за меня покорми. Твой несчастный сынъ Коля. Я не могу убивать звѣрей и рѣзать ихъ мясо“.

Онъ свернулъ это письмо, перевязалъ его веревочкой, кликнулъ къ себѣ Кутьку и надѣлъ ей его на шею.

— Прощай, Кутька! сказалъ онъ.—Здѣсь тебѣ не житье! Бѣги къ мамѣ домой и отнеси ей это мое письмо!

Проѣхалъ автомобиль, столпилось нѣсколько извозчиковъ, Кутьку оттерли отъ Коли, а затѣмъ и его самого кликнули въ лавку и послали къ кому-то съ провизіей. Такъ они разстались.

Настала ночь, заперлись лавки и магазины и на улицахъ опустѣло. Всѣ разошлись по домамъ. Коля сидѣлъ у себя въ уголку на тѣхъ лохмотьяхъ, которыя составляли его постель, и думалъ о томъ, какъ Кутька доставитъ его письмо его матери, какъ она возьметъ его домой и опредѣлитъ въ садовники къ сосѣдней барынѣ въ усадьбу. А тѣмъ временемъ его Кутька бродила безнадежно по той улицѣ, на которой находилась мясная лавка, не находила дороги ни-

куда, жалостно скулила и не знала, что ей дѣлать.

Была холодная, августовская ночь. Побродивъ по городу, Кутька снова прибѣжала къ мясной лавкѣ, обнюхала ея крыльцо и, вся съезжившись отъ холода и усталая, уже столько дней не бывшая подъ крышей и не ѣвшая и не пившая, какъ слѣдуетъ, поджала хвостъ и печально побрела по улицѣ.

Вотъ домъ съ садомъ. Изъ - за рѣшетки виднѣются озябшіе цвѣты и пахнетъ опавшимъ листомъ. Начинаетъ идти дождь и повсюду становится мокро и сыро и отъ мостовой дѣлается еще холоднѣе. Кутька хотѣла было пробраться въ садъ и найти тамъ себѣ гдѣ-нибудь мѣстечко для ночлега, но рѣшетка оказалась настолько частой, что сквозь нее нельзя было пролѣзть. Тогда она подошла къ парадному крыльцу. Здѣсь подъ навѣсомъ было сухо. Она вскочила на приступочку, прижалась спиной къ двери, чтобы погрѣться о нее, и жалобно заскулила:

— Ску-ску-ску...

Затѣмъ она свернулась калачикомъ и заснула.

Утромъ ее что-то больно толкнуло въ бокъ. Это отворили парадную дверь. Она проснулась и вскочила на ноги. Изъ двери выходили какая-то дама и дѣвочка.

— Какая хорошенькая собачка! воскликнула дѣвочка.—Мама, возьмемъ ее себѣ?

— Не стоитъ, Грета! отвѣтила ей мать.—Быть можетъ, она чья-нибудь чужая.

Понявъ, что говорятъ о ней, Кутька захлопала хвостомъ и доврчиво легла вверхъ брюхомъ.

„Возьмите меня, если хотите“, казалось, говорило выраженіе ея глазъ.—„Я голодна, устала и лишилась тѣхъ, за кого готова была умереть!“

Дѣвочка нагнулась надъ ней, чтобы ее приласкать, и вдругъ увидала у нея подъ шеей Колино письмо.

— Смотри, мама, воскликнула она,—какая-то бумажка!

Она сорвала ее съ Кутьки и протянула къ дамѣ. Дама развернула бумажку, прочитала ее и лицо ея сдѣлалось печальнымъ.

— Бѣдный мальчикъ! проговорила она.—Какъ все это больно и тяжело!

Она взяла дѣвочку за руку и повернула съ нею назадъ въ домъ.

— Пойдемъ, собачка! обратилась она къ Кутькѣ.—Пойдемъ къ намъ, я дамъ тебѣ поѣсть! А тамъ, съ твоей помощью, мы, быть можетъ, найдемъ и твоего бѣднаго Колю!

Кутька поняла ее, завиляла ей хвостикомъ и скрылась вмѣстѣ съ нею въ нѣдрахъ богатаго, теплаго дома, гдѣ, повидимому, не знали того горя, какое знала она и ея хозяинъ.

Все время Коля нетерпѣливо

ожидалъ отъ своей матери отвѣта на письмо или ея прїѣзда. Душа его истомилась. Онъ ничего не ѣлъ и не пилъ и все время выглядывалъ изъ лавки, чтобы увидѣть еще издали свою мать. Поэтому, что Кутька куда-то исчезла и больше уже не появлялась, онъ судилъ, что она убѣжала домой и унесла его письмо и съ каждымъ днемъ нетерпѣніе его все возрастало и возрастало. Дулъ сильный осенній вѣтеръ, было холодно и наступало время, когда умирала вся природа и на душѣ дѣлалось еще грустнѣе. Эту грусть онъ испытывалъ теперь при видѣ знакомаго сада, стоя у его рѣшетки и глядя на поблекшіе цвѣты и порѣдѣвшія деревья. Ему хотѣлось увидѣть Гретю, чтобы глядя на нее, отдохнуть душою и хотя на минуту позабыть о вѣткахъ мяса, испачканныхъ фартукахъ и тѣхъ кухаркахъ, которыя приходили къ нему въ лавку и ругались на мясниковъ за то, что они старались подсунуть имъ какъ можно больше костей. Но Гретя уже не выходила. Очевидно, ее не выпускали въ садъ, потому что было уже холодно и сыро, а можетъ быть она была больна и лежала въ постели...

И онъ стоялъ у рѣшетки сада, думалъ о матери и о ней и печально глядѣлъ на цвѣты.

Добѣжала-ли Кутька? Донесли ли она до его матери письмо?

И вдругъ, пока онъ стоялъ такъ и мечталъ, въ домѣ растворилась парадная дверь и изъ нея вышли Гретя и ея мать. вмѣстѣ съ ними выскочила изъ дому и черненькая собачка, теперь сытая, съ разглаженной, лоснящейся шерстью и веселымъ взглядомъ. Гретя вела ее на цѣпочкѣ. Увидѣвъ Колю, Гретя подошла къ нему и радостно сказала:

— Здравствуй, Коля!

Но онъ не слышалъ ея голоса. Въ глазахъ у него все запрыгало, завертѣлось, его душу наполнилъ восторгъ, онъ почувствовалъ, какъ что-то подкатило ему къ горлу, и задыхающимся голосомъ воскликнулъ:

— Кутька!! Ты-ли это? Откуда ты взялась?

Кутька рванулась къ нему, онъ нагнулся къ ней, она подскочила къ его лицу и стала его лизать въ губы, въ щеки, въ шею, въ глаза. Она визжала на всю улицу, а онъ плакалъ и все повторялъ:

— Кутька! Кутька! Кутька!

А когда радость немного поухлила и оба они успокоились и пришли въ себя, то Кутька взяла его зубами за полу и потащила его къ парадной двери. Держа ее за цѣпочку, Гретя должна была съ матерью вернуться назадъ. Дойдя до двери, Кутька поцарапалась въ нее лапкой. Дама позволила. Дверь снова отворилась и Кутька прыгнула впередъ и потя-

нула за собою и Колю. Онъ постѣснился и нерѣшительно поглядѣлъ на даму.

— Входи, входи! обратилась она къ нему. — Не бойся! Въ этомъ домѣ ты останешься совсѣмъ!

Онъ посмотрѣлъ на нее радостными, удивленными глазами, хотѣлъ броситься къ ея рукѣ, но въ это время дверь затворилась и больше уже нельзя было увидѣть ничего.

Четыре дня спустя, Коля уже расхаживалъ съ граблями въ рукахъ по саду и сгребалъ опавшія листья въ кучи. Онъ былъ чисто оцѣтъ, на немъ бѣлый передникъ

и около его ногъ суетилась Кутька. Невдалекѣ бѣгала Гретя и по прежнему щебетала, какъ птичка. Собравши листья въ кучи, онъ сталъ выкапывать изъ земли цвѣты и пересаживать ихъ въ горшки, чтобы сохранить ихъ въ погребѣ на зиму. Онъ былъ счастливъ и доволенъ: ремесло садовника было ему больше по сердцу, чѣмъ все другое.

Онъ сгребалъ листья и выкапывалъ растенія, а въ это время его мать въ этомъ-же домѣ перетира-ла посуду. Она ставила тарелки въ стопы и то и дѣло поглядывала на образъ: ея благодарности не было границъ.

М. Б—скій.

Н О Ч Ь.

Прохладная ночь надъ землею спустилась,
Поднялся туманъ отъ уснувшей рѣки...
На небѣ звѣзда за звѣздой засвѣтилась,
Въ саду межъ кустами зажглись свѣтляки...

И птичекъ веселыхъ не слышно ужъ пѣнья,
И рой мотыльковъ улетѣлъ на ночлегъ...
Порой лишь доносится лай изъ селенья,
Да слышится скрипъ запоздалыхъ телѣгъ...

Душистымъ жасминомъ изъ сада пахнуло,
Сталъ воздухъ прохладенъ и чистъ... Тишина...
Не шепчутъ деревья... Кругомъ все уснуло
И полная встала надъ рѣчкой луна...

А. Н.

МАРУСЯ.

Повѣсть.

(Окончаніе).

Маруся сидѣла въ библіотекѣ и долго не могла придти въ себя. Въ столовой раздавались голоса графа и Игнатія Зандерса, изъ парка доносились восклицанія дѣтей, а она все сидѣла на креслѣ и ухватившись рукою за грудь, старалась овладѣть собой и успокоиться. Ей было обидно, что графъ заподозрилъ ее въ томъ, будто она читала запрещенныя ей книги, и досадно на себя, что она оставила записку покойнаго барона на прежнемъ мѣстѣ. Теперь, если Игнатій захочетъ воспользоваться своимъ открытіемъ, пошарить въ библіотекѣ и завладѣетъ духовнымъ завѣщаніемъ, то это вполнѣ ему удастся.

— Ахъ, какая я глупая! шептала она.—Зачѣмъ я смолчала? Зачѣмъ не рассказала обо всемъ дядѣ?

Но время было потеряно и теперь графъ, какъ гостепріимный хозяинъ, все время проводилъ около своего гостя, хотя и не скрывалъ отъ своихъ домашнихъ, что Игнатій для него противенъ. Графиня вовсе не выходила изъ своего будуара. Дѣти уже потеряли всякую надежду на то, что Маруся по прежнему будетъ съ ними играть, и бѣгали по парку уже одни.

Скучно прошелъ завтракъ, еще скучнѣе прошелъ обѣдъ и наступилъ наконецъ вечеръ. Маруся была, какъ на иголкахъ. Задулъ сильный вѣтеръ, зашумѣли деревья, по небу поползли клочьями темныя тучи и пошелъ дождь. Его капли, какъ слезы, потекли по стекламъ оконъ и отражали въ себѣ свѣтъ отъ лампы, стало вдругъ холодно и сѣро и сдѣлалось такъ скучно и тоскливо, что хотѣлось плакать.

— Должно быть начинается уже осень... сказалъ графъ.

— Да и пора ужъ!.. отвѣтилъ Игнатій.—На дворъ уже сентябрь.

Весь вечеръ прислушивались къ вою вѣтра и молчали. Это молчаніе надрывало душу Марусѣ. Она легче чувствовала-бы себя, если-бы кругомъ нея кричали, прыгали, производили-бы шумъ. Ей хотѣлось поговорить обо всемъ съ графомъ, она искала подходящаго случая и онъ все не представлялся. Повидимому, и графъ сердился на нее, потому что не отвѣчалъ на ея вопросы, отворачивался отъ нея и дѣлалъ видъ, что ея не слышитъ. Давно уже пробило девять часовъ вечера, а она все ждала и ждала подходящей минуты, досадовала на себя, хотѣла кричать,

топать ногами, но сознавала, что это было-бы бесполезно и неприлично, и покорно ожидала, когда гость наконецъ простится и уйдетъ. Но онъ и не думалъ подниматься. Дѣти давно уже ушли спать, а она одна сидѣла вмѣстѣ съ большими у стола и чтобы обратить на себя вниманіе графа, заглядывала въ его пасьянсъ и вставляла свои замѣчанія.

— Ты-бы, Маруся, шла спать! рѣзко обратился къ ней графъ.— Уже десятый часъ!

Онъ сказалъ это такимъ тономъ, что она вспыхнула и поднялась съ мѣста.

— Спокойной ночи, дядечка! сказала она упавшимъ голосомъ и поцѣловала его по обычаю въ лобъ.

И сдѣлавъ затѣмъ реверансъ гостю, она направилась къ двери. Неужели-же она такъ и уйдетъ спать, не сказавъ ничего графу? Выйдя въ корридоръ, она отошла не много отъ двери и стала въ тѣни. Авось выйдетъ наконецъ графъ и она успѣетъ шепнуть ему два слова, изъ которыхъ онъ пойметъ все.

И вдругъ до нея донеслись изъ столовой слова Игнатія:

— Я плохо сплю, графъ, по ночамъ, сказалъ онъ.—Иной разъ приходится читать чуть не до утра... Нѣтъ-ли у васъ чего-нибудь почитать?

— Къ вашимъ услугамъ здѣсь цѣлая библіотека, отвѣтилъ графъ.

— Не найдется ли у васъ „Исторіи Карамзина“?

— Сколько угодно! Полное собраніе сочиненій!

— Мнѣ хотѣлось-бы дочитать томъ второй.. Я началъ его еще съ мѣсяцъ тому назадъ, но не пришлось кончить...

Графъ давно уже хотѣлъ отдѣлаться отъ гостя и, сложивъ карты, поднялся съ мѣста.

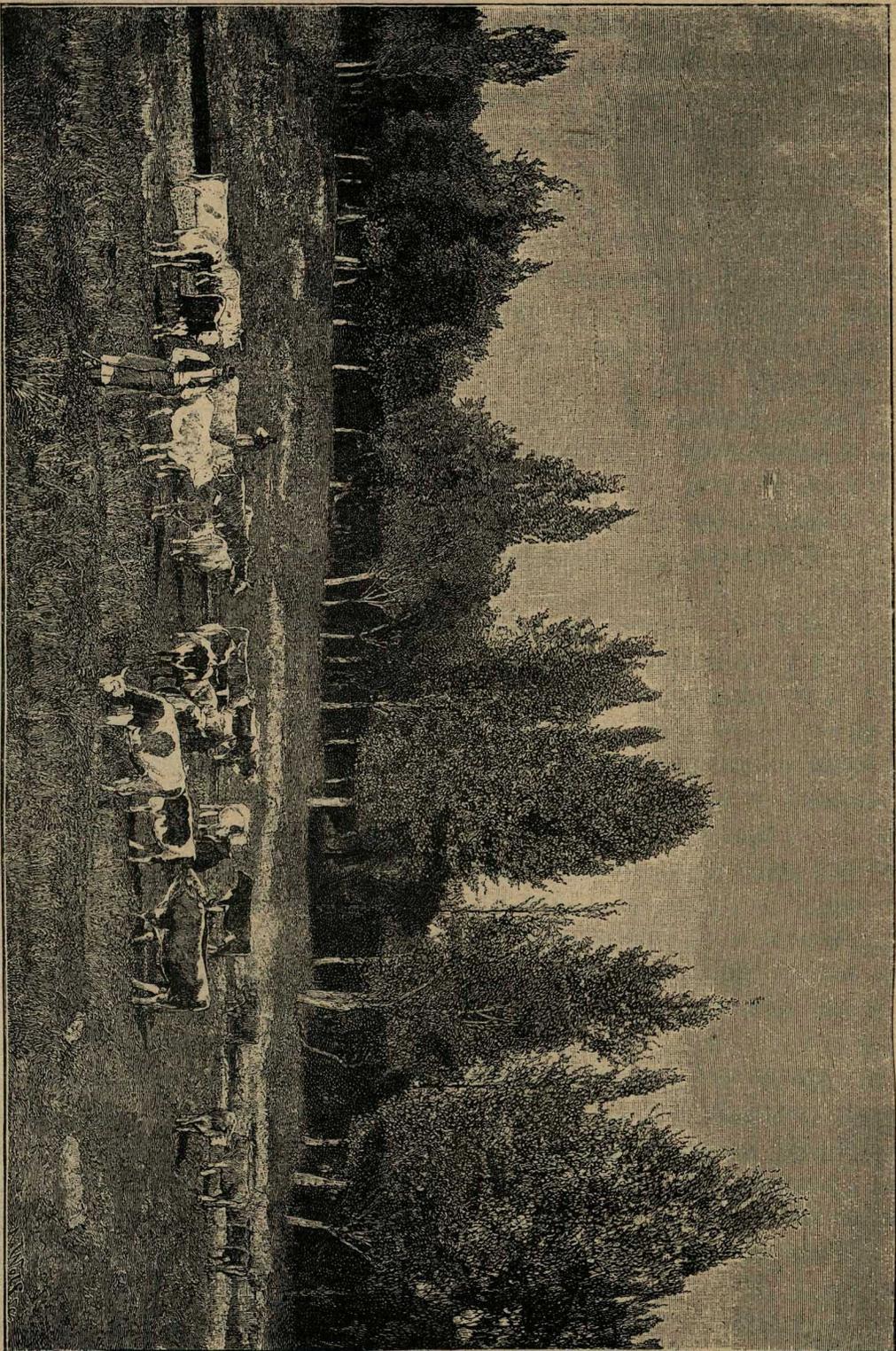
— Такъ пойдете въ библіотеку, сказалъ онъ.—Я вамъ дамъ...

И оба они отправились въ библіотеку.

У Маруси подкосились ноги и и позеленѣло въ глазахъ. Она слышала, какъ графъ забренчалъ ключами и щелкнулъ замкомъ и, не помня себя, бросилась къ дверямъ графини, чтобы обо всемъ ее предупредить. Но двери въ будуаръ были заперты, она постучалась въ нихъ, окликнула графиню, но не получила отвѣта, и, опустивъ голову, печально побрела къ себѣ въ комнату.

— Теперь ужъ кончено! прошептала она.—Теперь ужъ все пропало!

Она слышала затѣмъ, какъ графъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, а Игнатій—въ комнату для пріѣзжихъ,—и весь домъ погрузился въ тишину. Слышно было только, какъ завывалъ вѣтеръ, какъ шумѣли деревья и какъ дождь стегалъ каплями по стекламъ. Маруся раздѣлась, упала лицомъ въ подушки и стала горько плакать.

Въ полдень.

Она старалась овладѣть собою и успокоиться.

Наплакавшись досыта, она приподнялась и сѣла на край кровати.

— Неужели-же этотъ чужой человекъ возьметъ себѣ все! думала она.— Неужели эти близкіе для нея люди останутся ни съ чѣмъ и должны будутъ уѣхать изъ на-суженнаго гнѣзда?

— Нѣтъ, она никогда не допуститъ этого, она употребитъ всѣ свои силы, чтобы быть полезной для тѣхъ, кто ее приласкалъ и составляетъ теперь для нея вторую семью! Она отправится сейчасъ въ кабинетъ и продежуритъ тамъ всю ночь и если Игнатій явится туда, то она будетъ кричать и подниметъ на ноги весь домъ!

И она сунула ножки въ туфли, накинула на себя подвернувшуюся подъ руки накидку и тихонько, чуть слышно, направилась изъ своей комнаты въ кабинетъ.

Боже мой, какъ страшно! Вѣтеръ гудитъ, деревья шумятъ, во всемъ домѣ тишина и темнота и только слышно, какъ пробило въ столовой одиннадцать часовъ и какъ гдѣ-то, должно быть въ людской, имъ отвѣтили боемъ другіе часы. Хоть-бы съ Марусей была сейчасъ Аграфена! Но и она спитъ сейчасъ глубокимъ сномъ и послѣ дневныхъ хлопотъ ее не разбудишь и пушечнымъ выстрѣломъ.

Передъ нею въ стѣнѣ оказалась пустота.

Вся дрожа, сжимая завѣтный ключикъ въ кулачкѣ, она прошла черезъ корридоръ, гостиную и вошла въ кабинетъ.

— Боженька, поддержи меня! шептала она.—Боженька, помоги мнѣ, укрѣпи меня!

Въ кабинетѣ темно. Приглядѣвшись и освоившись съ темнотою, Маруся различила письменный столъ, кресла, диванъ, статуэтти. Вонъ и та картина, на которой нарисованы фрукты и цвѣты.. За ней—таинственный кладъ.

Въ волненіи она опустилась на ближайшее кресло, схватилась рукою за грудь и стала ожидать.

По прежнему дождь хлесталъ каплями по стекламъ и было такъ страшно и уныло, что Марусѣ хотѣлось плакать и въ то-же время у нея не было слезъ. Вотъ уже третьи сутки, какъ она вышла навстрѣчу событіямъ одна безъ всякой посторонней помощи, и волнуется такъ, что нервы ея напряжены, какъ струны, и сердце бьется такъ, что больно въ груди.

И вдругъ гдѣ-то около комнаты для пріѣзжихъ послышался какой-то странный звукъ. Маруся услышала, какъ заскрипѣла дверь и какъ затрещали половицы подъ тяжестью чьихъ-то ногъ. Затѣмъ все смолкло. Маруся притаилась и стала ожидать.

Звуки скоро возобновились. Кто-то опредѣленно и настойчиво шель къ кабинету, по временамъ оста-

навливался, повидимому прислушиваясь, и затѣмъ снова продолжалъ свой путь.

Маруся сошла съ своего кресла, тихонько подползла къ портьерѣ и заглянула въ корридоръ. Тамъ было темно. Маруся притаилась и стала слушать.

Какъ вдругъ въ корридорѣ вспыхнулъ огонь. Онъ освѣтилъ чью-то фигуру. Кто-то, одѣтый въ черное, нахлобучивъ шляпу на глаза, чтобы его не узнали, стоялъ почти у самой двери кабинета. Чтобы найти въ темнотѣ ходъ и чего нибудь подорогѣ не уронить, этотъ кто-то вытащилъ изъ подъ полы карманный фонарикъ, снялъ съ него заставку и освѣтилъ имъ на секунду корридоръ. При свѣтѣ фонарика Маруся узнала Игнатія.

Она испугалась и боясь, какъ-бы не лишиться чувствъ, ухватилась за портьеру. Портьера заколебалась и стоявшая около нея палка графа, съ которой онъ всегда выходилъ въ поле и въ паркъ, пошатнулась и, потерявъ равновѣсіе, упала и громко стукнулась объ полъ.

Повидимому, Игнатій испугался этого стука, потому что тотчасъ-же погасилъ свой фонарь и повернулъ назадъ. Минуту спустя, Маруся услышала, какъ онъ снова вошелъ къ себѣ въ комнату и заперъ за собою дверь.

— «Навѣрное онъ придетъ сюда опять!» подумала Маруся.— Что-же

теперь дѣлать? Какъ теперь быть? Развѣ поднять на ноги весь домъ, закричать, сдѣлать тревогу?

Но удобный моментъ былъ упущенъ, теперь Игнатій былъ уже въ своей комнатѣ и ей не повѣрилъ-бы никто. Тогда она поднялась на ноги, поправила волосы и перевела духъ. Рука ее попрежнему судорожно сжимала ключъ отъ несгораемаго шкафа вдѣланнаго въ стѣнѣ.

И вдругъ смѣлая мысль пришла ей въ голову. Что, если она сейчасъ сама сниметъ со стѣны эту картину съ фруктами и цвѣтами и попытается отпереть несгораемый шкафъ? Успѣетъ-ли она сдѣлать это до вторичнаго прихода Игнатія? Хватитъ-ли у нея силъ?

И не помня себя, слыша только, какъ у нея билось сердце и стучало въ вискахъ, она подошла къ стѣнѣ, встала на стулъ и протянула руки къ картинѣ...

— Боженька, помоги мнѣ... прошептала она.—Дай, чтобы онъ сюда не вошелъ!

Картина оказалась не особенно тяжелой. Маруся сняла ее съ гвоздя и тихонько спустила на полъ. Затѣмъ она потрогала рукою стѣну. Дѣйствительно, за картиной въ стѣнѣ что-то было пустое, потому что загудѣло подъ прикосновеніемъ ея пальцевъ. Значитъ, все, о чемъ было написано въ запискахъ, дѣйствительно было на самомъ дѣлѣ и не составляло для Маруси

тяжелаго, кошмарнаго сна. Она напарила въ стѣнѣ отверстіе для ключа, трепетной рукой вставила въ него ключъ, повернула и рѣшительнымъ движеніемъ потянула дверцу шкапа на себя.

Передъ нею въ стѣнѣ оказалась пустота. Она засунула въ нее руку и что-то мягкое, хрустящее попало ей подъ пальцы. Она ощутила попавшійся ей подъ руку предметъ и это оказалось письмомъ. На немъ было пять сургучныхъ печатей, какъ это всегда бываетъ на пакетахъ, въ которыхъ пересылаются деньги или желаютъ сохранить какой-нибудь важный документъ.

Быстрымъ движеніемъ Маруся захлопнула дверцу отъ несгораемаго шкафа, вытащила ключъ, повѣсила на прежнее мѣсто картину, спрыгнула со стула и крѣпко держа въ своихъ рукахъ драгоценный пакетъ, направилась къ себѣ въ дѣтскую. Но когда она проходила черезъ гостиную, теперь, когда дѣло было уже сдѣлано и нечего было уже опасаться за графскую семью, она почувствовала наконецъ, что силы оставляютъ ее, что ея нервы не могутъ уже больше выдерживать всю силу напряженія событій и что если она не доберется сейчасъ до кресла или до софы, то лишится чувствъ и упадетъ прямо на коверъ. Но она овладѣла собою и на этотъ разъ, кое-какъ добрела

до дивана и, не помня уже ни о комъ и ни о чемъ, а только крѣпко сжимая въ рукѣ пакетъ, какъ была, въ накидкѣ и въ туфляхъ, упала на подушку и лишилась чувствъ.

Утромъ Аграфена пришла въ комнату Маруси, чтобы взять для чистки ея платье и башмаки. Не найдя ее въ постели и въ то-же время видя нетронутымъ весь ея костюмъ, она очень удивилась.

— Сказать-бы, она встала рано и пошла гулять,—подумала она.— Да нѣтъ: больше здѣсь ей не во что одѣться и безъ башмаковъ не поидеть. На дворѣ сырость и мокрота... Ужъ не заболѣла-ли она?

И, полная тревоги, она вышла изъ комнаты. Когда она проходила по корридору, то вдругъ увидала лакея Гаврилу Николае-

вича. Онъ стоялъ у двери гостиной и махалъ ей почему-то рукой.

— Аграфена! шепталъ онъ такъ громко, что его шопоть можно было-бы слышать даже на дворѣ.— Да что ты оглохла, что-ли? Иди сюда скорѣй!

Онъ говорилъ это съ такимъ страннымъ выраженіемъ лица, что она испугалась и бросилась къ нему со всѣхъ ногъ.

— Наша барышня лежитъ въ гостиной на диванѣ, снова зашепталь онъ.—И блѣдная, какъ смерть! Ужъ жива-ли она?

Аграфена заглянула въ гостиную, да такъ и обомлѣла. На кушеткѣ, укрывшись пелериной и вытянувъ голыя, похолодѣвшія ножки, съ которыхъ свѣсились туфли, лежала на спинѣ Маруся и не двигалась. Она была очень блѣдна и отъ проникавшей въ гостиную изъ парка желтизны увядающей листвы, была похожа на мертвую.

Аграфена схватилась ладонями за обѣ щеки и завывла на весь домъ.

— Ахъ вы, батюшки! Ой вы, матушки! Да какъ-же это я, куриная слѣпота, проглядѣла нашу хозяюшку! Что-же мнѣ теперь горемычной дѣлать? Какъ мнѣ быть?

Палка упала и громко стукнулась объ полъ.

— Да замолчи ты! топнулъ на нее ногой Гаврила. — Своимъ бабьимъ воемъ ты разбудишь весь домъ. Пошла отсюда вонъ, если не умѣешь держать себя въ благородныхъ домахъ!

Онъ сказалъ это такимъ тономъ, что она сразу-же смолкла и только слезы покатались у нея изъ глазъ.

— Пойди скажи Клеопатрѣ, чтобы она разбудила графиню! приказалъ онъ ей. — Да сама смотри—ни гугу! Чтобы никто во всемъ домѣ не зналъ, что случилось! А то вы, бабы, мастерицы брехать!

— Не буду, батюшка Гаврила Николаичъ, не буду! залепетала Аграфена и побѣжала къ горничной графини.

А Гаврила Николаевичъ отправился къ спальнѣ графа и тихонько постучался къ нему въ дверь.

— Кто тамъ? спросилъ его графъ.

— Осмѣлюсь доложить вашему сіятельству, отвѣтилъ Гаврила, что у насъ въ домѣ не все благополучно...

— Что такое?

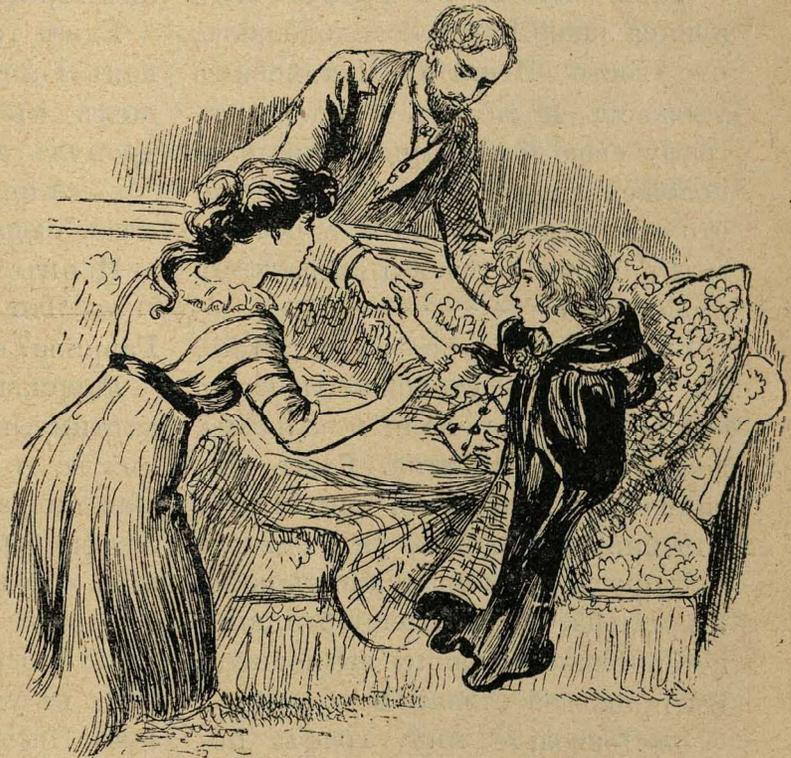
— Барышня Марія Александровна очень нездоровы-съ... Да къ тому-же и въ вашемъ кабинетѣ что-то не тово-съ!

— Хорошо, я сейчасъ выйду... Разбудите графиню!

Десять минутъ спустя, графъ и графиня были уже около Маруси.

Осмотрѣвъ ее и ощупавъ со всѣхъ сторонъ, они убѣдились, что она жива и только была почему-то очень блѣдна и рѣдко дышала, очень удивились, что нашли ее въ такомъ видѣ въ гостиной на диване и не стали ее будить.

— Выйдемъ отсюда! сказалъ графъ. — Оставимъ ее здѣсь лежать! Пусть она спитъ и проснется затѣмъ сама! Это бываетъ съ дѣвочками ея лѣтъ! Воображаю, какъ

— Дай сюда твою ручку, сказалъ онъ

она удивится сама, когда проснется въ гостиной!

— Не послать-ли за докторомъ?.. спросила графиня.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же? отвѣтилъ графъ.—Тогда успѣемъ! Развѣ ты не видишь, какъ она сладко и крѣпко спитъ!

Гаврила Николаичъ стоялъ тутъ-же, многозначительно покашливалъ и, повидимому, былъ другого мнѣнія. Очевидно, онъ что-то зналъ.

Марусю затворили со всѣхъ сторонъ въ гостиной, предоставили ей полный покой и на цыпочкахъ отправились каждый къ себѣ.

Часъ спустя, къ графу опять явился лакей Гаврила и доложилъ, что гость Игнатій Матвѣевичъ уѣзжаетъ и желалъ-бы передать графу свою благодарность за расположеніе и пріемъ. Было неловко отпустить гостя одного и потому графъ быстро одѣлся и вышелъ въ столовую.

Было сѣрое утро, шелъ дождь, въ каминѣ въ столовой трещалъ огонь. Дѣти еще спали и во всемъ домѣ стояла тишина. Гость уже сидѣлъ у стола около кипѣвшаго кофейника, совсѣмъ уже одѣтый въ дорожку, и собирался пить кофе. У крыльца, позвякивая бубенцами, нетерпѣливо топтались его лошади. Въ прихожей стоялъ чемоданъ.

— Позвольте мнѣ, графъ, поблагодарить васъ за ваше любезное гостепрѣимство, обратился онъ

къ графу и поднялся къ нему на встрѣчу.—Очень жалѣю, что не могу лично засвидѣтельствовать свое почтеніе графинѣ. Но время не ждетъ и нужно ѣхать!

Графъ высказалъ обычное въ такихъ случаяхъ сожалѣніе, что онъ не остается подольше, но въ то-же время и не удерживалъ его. Онъ напоилъ гостя кофе, пожалъ ему руку и, двадцать минутъ спустя, тройка уже мчала Игнатія по грязной дорогѣ на вокзалъ.

Графъ легко вздохнулъ по его отъѣздѣ. Значитъ, Игнатій пріѣзжалъ не за тѣмъ, чтобы начинать разговоры о наслѣдствѣ или грозить графинѣ судомъ.

Едва только замолкли звонки, какъ Гаврила Николаевичъ подошелъ къ графу и почтительно тронулъ его за рукавъ.

— А пожалуйста-ка, ваше сіятельство, сюда! сказалъ онъ.

И онъ провелъ его въ кабинетъ.

— Что скажешь, почтеннѣйшій Гаврила? обратился къ нему графъ

Гаврила молча снялъ со стѣны картину, изображавшую фрукты и цвѣты, и за ней обнажилась зиявшая дыра. Дверца несгораемаго шкафа была взломана и все кругомъ нея было исцарапано и помято.

— Это еще что такое? воскликнулъ въ удивленіи графъ.

— Несгораемый шкафъ покойнаго барона, отвѣтилъ Гаврила.— Въ немъ онъ хранилъ всегда до-

кументы и деньги. Это не вы его изволили взломать?

Графъ смотрѣлъ въ удивленіи на шкафъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же?.. отвѣтилъ онъ.—Я могъ-бы его отпереть, но совершенно о немъ не зналъ и даже никогда не имѣлъ отъ него ключа!..

— Ну, такъ посылайте-же ваше сіятельство, скорѣе за полиціей! проговорилъ Гаврила.—Здѣсь находилось духовное завѣщаніе барона, которое украл!

У графа отъ волненія задрожали колѣни.

— Духовное завѣщаніе? спросилъ онъ.—Откуда-ты это знаешь?

— Сегодня я вхожу въ вашъ кабинетъ, чтобы убрать въ немъ и стереть пыль, отвѣтилъ угрюмо Гаврила,—и вдругъ вижу—какъ-то криво виситъ эта картина. Это показалось мнѣ подозрительнымъ. Я заглянулъ за нее—а шкафъ открытъ! По просту говоря,—его взломали!

— Но почему-же ты думаешь, что тамъ было духовное завѣщаніе барона?

— А вотъ извольте поглядѣть-съ... Я нашелъ эту записку здѣсь на полу! Должно быть онъ ночью обронилъ-съ!

И Гаврила протянулъ къ барону ту самую записку, которая лежала на стр. 232-й „Исторіи Карамзина“ и которую не успѣла взять изъ нея Маруся, когда неожиданно

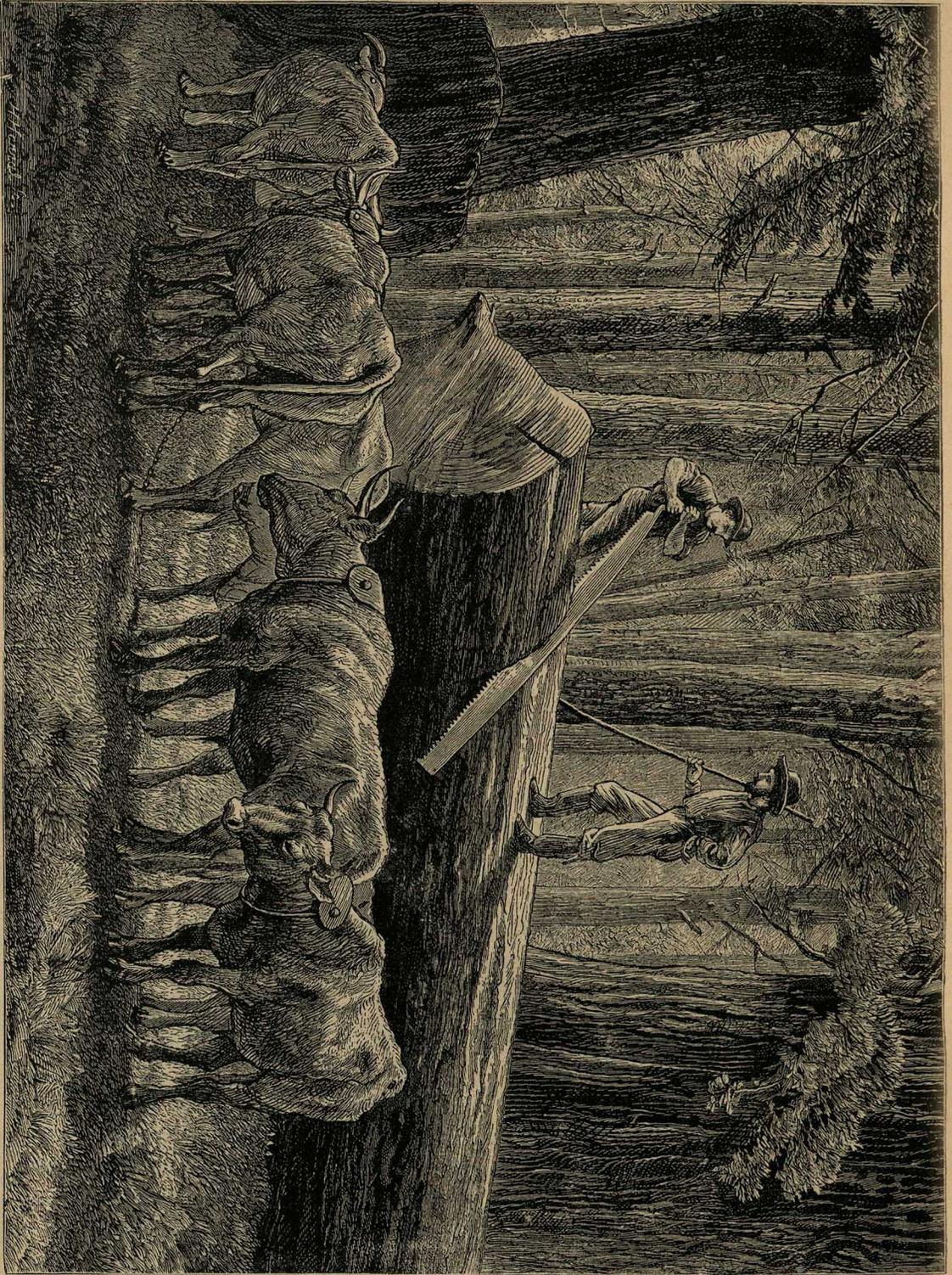
вошелъ въ кабинетъ графъ и отобралъ отъ нея эту книгу.

— Какой ужасъ! прошепталъ графъ и взялся за лобъ.—Какъ это съ его стороны нехорошо!

И ему сразу-же пришло на умъ все то, что онъ до сихъ поръ слышалъ нехорошаго объ Игнатіи. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ сюда именно теперь? Отъ кого онъ узналъ, что завѣщаніе хранилось именно здѣсь, въ этомъ шкафу, за этой картиной? И онъ подозрительно посмотрѣлъ на Гаврилу. Но тотъ стоялъ съ такимъ видомъ, съ такимъ выраженіемъ неописуемаго гнѣва на лицѣ, что его нельзя было заподозрить ни въ чемъ. Навѣрное, это обо всемъ сообщила Игнатію старуха! И графъ готовъ уже былъ потребовать себѣ коня, чтобы поскакать къ Еремѣевнѣ на деревню и осыпать ее массой упрековъ, какъ Гаврила вдругъ привелъ его въ себя.

— Осмотрѣли-бы вы, ваше сіятельство, получше Марусю, многозначительно кивнулъ онъ въ сторону гостиной.—Не встрѣтились-ли они ночью въ кабинетѣ? Не было-ли между ними борьбы?

Всѣ мелкіе интересы вдругъ вылетѣли у графа изъ головы. Завѣщаніе, предстоящая бѣдность, это наглое злоупотребленіе гостепріимствомъ, которымъ такъ оскорбилъ его Игнатій, сразу-же поблѣднѣли въ его глазахъ передъ возможностью потерять Марусю.

Разработка леса въ Калифорни, въ Америкѣ.

Горный потокъ.

Что, если Гаврила Николаевичъ былъ правъ и она дѣйствительно выдержала борьбу? И не помня себя отъ страха за дѣвочку, которую онъ такъ горячо уже полюбилъ и съ которой не разстанется уже во вѣкъ, онъ схватился за голову и выбѣжалъ въ корридоръ.

— Элень! Элень! закричалъ онъ своей женѣ.—Иди сюда скорѣй! Бѣги сюда скорѣе, Элень!

Встревоженная его голосомъ графиня выбѣжала къ нему въ корридоръ. Дѣти проснулись и повскакивали на своихъ кроваткахъ. Онъ схватилъ графиню за руку и втянулъ ее въ гостинную. Маруся все еще лежала на диванѣ на спинѣ и была блѣдна.

— У насъ несчастіе, Элень! заговорилъ графъ.—Сегодня ночью насъ обокрали!

И, бросившись къ Марусѣ, онъ схватилъ ее за плечи и сталъ теревить.

— Маруся! заговорилъ онъ.— Милая моя дѣвочка! Проснись! Ты жива? Ты не ранена нигдѣ? Проснись-же, дорогая моя! Расскажи, гдѣ у тебя болитъ?

Она вздохнула, шевельнулась и открыла глаза. Увидѣвъ себя въ гостиной на диванѣ, въ такой необычной обстановкѣ, и около себя графа и графиню, которые суетились около нея и смотрѣли на нее озабоченными глазами, она улыбнулась.

— Развѣ уже поздно? спросила она.

Острое чувство радости, что она жива, наполнило душу графа. Графиня склонилась надъ ней, обхватила ее тѣлце руками и стала покрывать ее щеки поцѣлуями.

— Тебѣ нигдѣ не больно? спросила она ее.—У тебя нигдѣ не болитъ?

— Онъ не причинилъ тебѣ никакого вреда? обратился къ ней графъ.

При словѣ „онъ“ Маруся вздрогнула. Вся картина минувшей ночи въ одно мгновеніе промелькнула у нея, какъ тяжкій сонъ, передъ глазами. Она вспомнила о конвертѣ съ пятью печатями, встрепенулась, встревожилась и стала искать его около себя. Но онъ оказался при ней и только забился къ ней подъ мышку. Она схватила его, приподнялась и протянула его графу.

— На, дядечка, возьми! сказала она.— Онъ собирался взять это письмо себѣ, но я ему не дала!

Затѣмъ она рассказала все, что съ нею произошло за эти два дня и что случилось ночью въ кабинетѣ.

Графъ увидалъ этотъ таинственный пакетъ, но что онъ теперь значилъ для него въ сравненіи съ тѣмъ, что она, его Маруся, была жива и здорова и повидимому не пострадала ничѣмъ? Онъ перегнулся къ ней черезъ спинку дивана, обнялъ ее и горячо поцѣловалъ.

— Дай сюда твою ручку! ска- залъ онъ.

Она протянула къ нему свою правую руку, а въ лѣвой продолжала держать пакетъ. Онъ поднесъ ее къ своимъ губамъ и поцѣловалъ. Затѣмъ онъ взялъ отъ нея запечатанный пакетъ.

— Въ этомъ конвертѣ духовное завѣщаніе твоего пріемнаго отца, сказалъ онъ.—Быть можетъ, баронъ завѣщаетъ все свое имущество кому-нибудь другому, а не намъ. Быть можетъ, черезъ минуту или черезъ двѣ мы будемъ здѣсь уже чужими. Но чтобы съ нами ни случилось, Маруся, знай, что мы такъ полюбили тебя, что не разстались - бы съ тобою никогда!

— Да, да! воскликнула и графиня.—Какая-бы судьба ни ожидала насъ,—я буду любить тебя, какъ родную дочь!

И взявъ Марусю на руки, графъ понесъ ее къ ней въ комнату. Она обняла его одной рукой за шею, а въ другой все еще продолжала держать пакетъ. Графиня послѣдовала за ними. Кити, Максъ и Леночка выскочили изъ дѣтской въ однихъ рубашонкахъ и съ встревоженными личиками и не понимая, въ чемъ дѣло, тоже побѣжали вслѣдъ за Марусей.

А когда всѣ они вошли къ ней въ комнату и графъ опустилъ ее на ея постель, то она почувствовала вдругъ себя дома, въ своей

семьѣ, среди близкихъ ей людей и стала плакать.

— Чего ты? О чемъ? съ тревогою спросили всѣ.

Но она не сумѣла сказать, о чемъ плакала, и тотчасъ же застыдилась своихъ слезъ.

А затѣмъ графъ снова взялъ изъ ея руки пакетъ.

— Распечатывать? спросилъ онъ, какъ-бы боясь узнать то, что его ожидало впереди.

— Распечатывать, распечатывать! закричали всѣ и окружили его со всѣхъ сторонъ.

Графъ не безъ волненія разорвалъ конвертъ. Съ еще большимъ волненіемъ онъ вытащилъ изъ него синеватый кусокъ бумаги и прочиталъ:

„Все свое имущество, какъ движимое, такъ и не движимое, находящееся въ имѣніяхъ, лично мною пріобрѣтенныхъ, и капиталахъ, я завѣщаю моей пріемной дочери и воспитанницѣ Маріи. Баронъ Николай Зандерсъ“.

Дѣти ничего не поняли, а графъ и графиня въ изумленіи и въ то-же время съ облегченіемъ поглядѣли другъ на друга. А затѣмъ, когда удивленіе мало-по-малу улеглось, графъ подошелъ къ Марусѣ и протянулъ къ ней эту бумагу.

— Ну, Маруся, обратился онъ къ ней,—вся эта усадьба теперь принадлежитъ тебѣ. Теперь ты здѣсь полная хозяйка! Какъ ты распорядишься, такъ я и поступлю!

— Я? Распоряжусь? удивилась Маруся.

И, широко распахнувъ свои объятія, она звонко размѣялась и сказала:—

— Идите сюда всѣ!

Графъ, графиня и всѣ трое дѣтей бросились къ ней. Насколько хватило у нея рукъ, она всѣхъ ихъ сразу обняла и крѣпко прижала ихъ къ себѣ.

— Будемъ жить всѣ вмѣстѣ такъ, какъ жили до сихъ поръ! сказала она.—Вотъ мое распоряженіе. Вы наши мама и папа, а мы ваши дѣти—вотъ и все! Я не желаю больше знать ничего.

Графъ и графиня еще долго простояли около нея и все никакъ не могли придти въ себя отъ неожиданности происшедшихъ событій. А дѣтишки побѣжали босыми ножками къ себѣ въ дѣтскую и стали умываться.

Скоро ихъ голоса раздались въ столовой, къ нимъ присоединилась и Маруся и жизнь снова вошла въ свою колею и потекла такъ, какъ текла до приѣзда Игнатія въ усадьбу. Проглянуло солнце и вмѣстѣ съ его лучами стало свѣтлѣе у всѣхъ и на душѣ. Послышались звуки ударовъ молотками о шары—это дѣти стали играть въ

паркѣ на площадкѣ въ крокетъ, а графъ приказалъ осѣдлать для себя коня и уѣхалъ въ поле, гдѣ возобновилась прервавшаяся было отъ дождя молотьба.

Гаврила Николаевичъ умѣлъ молчать и никто во всемъ свѣтѣ такъ и не узналъ, что произошло въ эту ночь.

Въ тотъ-же день вечеромъ старушка Еремѣевна была перевезена въ усадьбу, гдѣ ей была отведена та же комната, въ которой она жила и при покойномъ баронѣ Зандерсѣ, а ровно черезъ мѣсяць изъ Кринички пріѣхала няня Настасья Григорьевна со всей своей семьей и поселилась въ усадьбѣ навсегда.

Таковы были первыя распоряженія молодой хозяйки.

А затѣмъ пріѣзжалъ изъ города какой-то важный господинъ, который вызвалъ къ себѣ Марусю и при свидѣтеляхъ сообщилъ ей, что она утверждена въ правахъ наслѣдства, и при всѣхъ вручилъ ей какую-то гербовую бумагу. Но она ея такъ и не прочла и тутъ-же передала ее графу и графинѣ.

— Возьмите ее, папа и мама, себѣ! сказала она и со звонкимъ смѣхомъ убѣжала въ паркъ доигрывать съ дѣтьми начатую партію въ крокетъ.

К. Тр.—

К О Н Е Ц Ъ.

Обезьяна и складной цилиндръ.

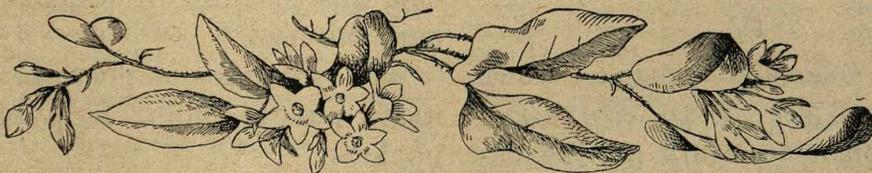

В Ъ М А Ъ.

Ужъ миновали холода
 Уже разсѣялись туманы,
 Гусей вернулись караваны
 И въ полѣ бродятъ ужъ стада.
 Какой чудесный, свѣтлый день!
 Цвѣтетъ душистая сирень,
 Деревья дали уже тѣнь
 И распускаются тюльпаны.

Трещать кузнечики. На ель
 Взлетѣлъ скворецъ и распѣваетъ
 И какъ-то за душу хватаетъ
 Вдали поющая свирѣль.
 Прошла весенняя гроза,
 Бьетъ солнце яркое въ глаза,
 Пищитъ комаръ и стрекоза
 Уже надъ рѣчкою летаетъ...

Ирисъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Почему солнце восходитъ на востокъ, а заходитъ на западъ?

новъ и составить названіе города въ Крыму.

Какой это городъ?

II.

Названія рѣки и города, находящихся въ Сѣверной Россіи поставлены рядомъ и содержатъ въ себѣ, оба вмѣстѣ, четырнадцать буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. Буквы 6. 9. 10. 11. 5—означаютъ то, что имѣютъ звѣри, 1. 3. 2. 5. 4. 14—мебель, 11. 10. 13. 5. 2. 14—часть одежды, 10. 11. 8. 5.—названіе древней посуды, 12. 5. 8. 3.—зимній экипажъ и 2. 7. 12. 4. 10. 6. 13. 3.—то, что иногда бываетъ у человѣка на лицѣ.

Какія это слова и названія какихъ рѣки и города задуманы?

III.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) То, что бываетъ у сѣдла.
- 2) Домашнее животное.
- 3) То, чѣмъ обладаютъ цвѣты.

Взять отъ каждаго изъ этихъ словъ по первому слогу и составить изъ нихъ названіе насѣкомаго.

Какія слова задуманы и какое это насѣкомое?

IV.

Взять половину губы, то, чѣмъ наводятъ блескъ и то, что вытекаетъ при изверженіи изъ вулкана

V.

Названіе какихъ частей тѣла заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Не легко лѣнностью добыть себѣ кусокъ хлѣба! Надо трудиться!

2) Склонились березы, липы и вязы къ рѣкѣ и отражаются въ тихой водѣ.

3) Послѣ лѣснаго пожара все кругомъ стало голо: валяются сучья, торчатъ обгорѣвшіе пни и сильно гарью пахнетъ.

4) Смотри, на мосту пня не урони съ телѣги и дровъ не разсыпь! А то кто-нибудь въ потьмахъ наткнется!

5) На берегу быстрой рѣки было сухо.

6) Будь съ гостями ласковъ: поиграй съ ними, расскажи имъ что-нибудь, покажи вотъ эти картинки и вообще не давай имъ скучать!

7) Не спи на сырой землѣ; это вредно.

8) Какая неприятная погода! Мгла закрыла солнце и стало темно, какъ ночью.

9) У многихъ морскихъ животныхъ вмѣсто ногъ и рукъ щупальцы.

Рѣшеніе головоломки и ребуса, помѣщенных въ № 12 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I) Лимонъ, осина, курица = лисица.

II) Стулъ, перо, ухо, трусь, страхъ, хуторъ, верста, халатъ, просо, ворота, пастухъ. Задуманныя слова—Тула и Серпуховъ.

Шуточные вопросы: 1) По телефону, 2) По полотну. 3) Бабочки летаютъ по воздуху, а ихъ личинки ползаютъ по растеніямъ и по землѣ.

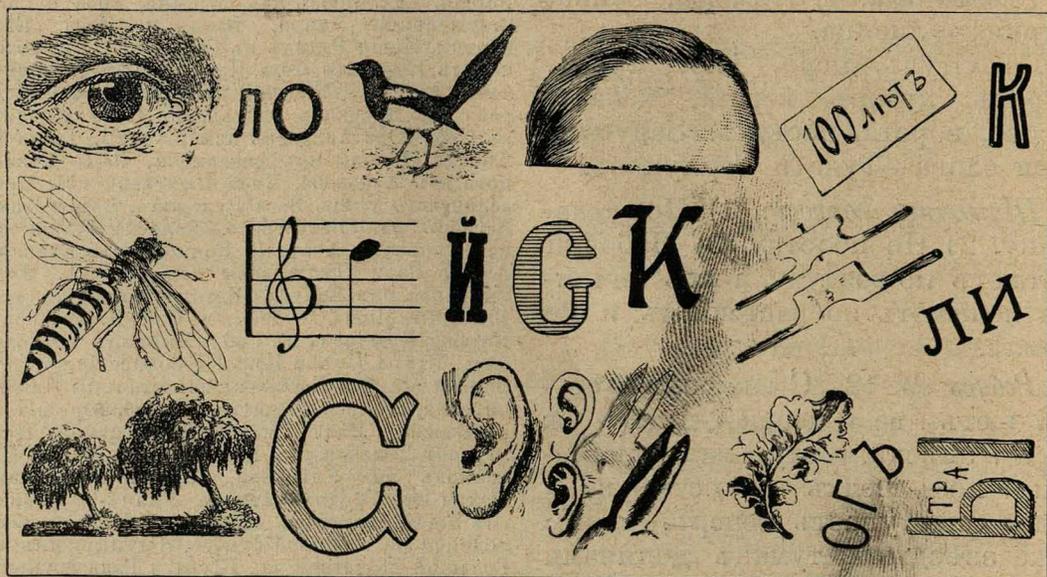
Ребусъ № 12. С + корона + ступа + етъ + ве + черви + дны + уж + е + звѣзды + иту + мандолина + ми + по + шелкъ + в о сто + ку = Скоро наступаетъ вечеръ, видны уже звѣзды и туманъ долинами пошелъ къ востоку.

Вѣрные рѣшенія прислали: Леша Христорожественскій изъ Алексина, Ратя Концевичъ изъ Омска, Кадеты Сумскаго Корпуса—Ваторскій и Шестоперовъ, Маркель Гурвичъ изъ Лодзи, Шура и Жюня Пидотти, Антонъ и Романъ Заборовскіе изъ Бахмача, Маруся Озерцковская изъ Кіева, Лѣка Эпштейнъ изъ Боромли, Аля Хатовъ изъ Луги, Екатерина Барышникова, Ира Рахтъ изъ Тифлиса, Павликъ и Шура Соловьевы изъ Пскова, Доля и Юра Спекторовы изъ Белебея, Маруся Ѳедотова, Гали Русиловичъ изъ Ковеля, Леня Юрасовъ изъ Новгорода, Леня, Лора, Туля и Гали Рябовы со ст. Бузулука, Ваня и Юля Томиловы изъ Твери, Надежда Петровичъ изъ Коржева, Нада Куделенская изъ Курмыша, Боря Бутковскій изъ Харькова, Станиславъ Квинто изъ Джульфы, Леня Аеонскій изъ Бузулука, Катюша Хухрина въ Спб., Женя Радинъ въ Спб., Андрюша Гершунъ въ Спб., Стелла Шостаковская въ Спб., Маруся, Лилия, Миша и Коля Побѣдимовы, Оля и Соня Вѣльскія въ Спб., Сережа Дадашевъ въ Спб., Игорь Максимовъ изъ Удѣльной, Лиза, Вѣра и Витя Беневоленскіе со ст. Нижнеудинскъ, Клавдія Маркова, Катюся Б. изъ Царицына, Костя Блюмъ изъ Гродны, Иванъ Гольдштейнъ изъ Кѣльць, Шура, Володя и Гуля Динглеръ, Зоя Максимова, Конрадъ Чарноцкій изъ Суйды, Дончикъ Суперъ, Ида Кувина, Ксенячка Цетреусъ изъ Вильны, Розалія Эрлихъ, кто-то безъ подписи изъ Елизаветполя, Наташа и Леня Сикевичъ изъ Замброва, Коля, Елена и Валя Смолявдикъ изъ Барановичъ, Квито-ястребиное крыло и Монтезума — Соколиный глазъ, вожде неукротимыхъ, Игрушечка Толмачевъ. В. и Г. Конрадъ въ Спб., Коля Валенчицъ изъ Вильны, Катя Попова изъ Варшавы, Н. Каменская, Оля

Губина, Валя и Воля Дюмуленъ, А. Яловкина изъ Ярославля, Андрей Озерцковскій, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Лозя Гальпернъ изъ Иркутска, Сережа Лебедевъ изъ Зубцова, Борисъ Тихоміровъ изъ Кургана, Боба и Гога Старженецкіе Лаппа, Ваня и Зоя Кузнецовы, Женя Радинъ въ Спб., Клавдія Ермолина изъ Костромы, Леля, Павля и Лидочка Ермолаевы въ Спб., «Кіевскій индѣецъ», Гали Кедрова изъ Высокихъ Байраковъ, Коля Ильинъ въ Спб., Юра Андреевъ изъ Москвы, Грета и Анаида Поповы изъ Аккермана, Варя Кузнецова изъ Харькова, Нина Пыхтѣва изъ Мензелинскаго уѣзда, Вася Рудаковъ, Вѣра и Нина Вагнеръ изъ Вѣлозерска, Володя Кудинцовъ изъ Харькова, Анатолій Кочневъ изъ Вѣрнаго, Алла и Гали Дудукаловы изъ Теріокъ, Музя Смирнова изъ Калуги, Петръ Ляхницкій изъ Винницы, Миша Суровецъ въ Спб., Д. Аксеновъ, Наташа Крючкова въ Спб., Кирилль Стародубовъ, Шура, Петя и Кока Глубоковскіе въ Спб., Зина и Маруся Евсиковы изъ станицы Нижнечирской, Андрей Гершунъ въ Спб., Юра и Ирина Беренсъ, Коля Стильянуди съ мамой, Циклаурова Леночка изъ Владикавказа, Игорь Максимовъ изъ Удѣльной, Сережа и Шурикъ Фохты изъ Гродны, Тамара Ухачъ-Огородничъ изъ Кіева, Ксенячка Цитреусъ, Кто то безъ подписи на почтовой бумагѣ, Глупышкинъ съ Большой Монетной ул., Шура и Гали Фруктовы изъ Елатмы, Шура Браиловская изъ Ялты, Соня Кузовкина, Катя Воронцова, Гургенъ и Минасъ Лачиновы изъ Елизаветполя, Витя Вейтлеръ изъ Екатеринослава, Борисъ фонъ-Бремзень въ Спб., Сапа и Таня Стратонитскіе изъ Нѣжина, Миша Дунаевъ изъ Лохвицы, Леля Немецкій, Лека Эпштейнъ, Аня Антушева изъ Можайска, Гали Наумова изъ Гродны, Джонъ Рафльсъ, Маня Шипкина изъ Баку, Оля Куковицкая, Юля и Ваня Томиловы изъ Твери, Зоя Рождественская изъ Кугульты, Коля Нарцевъ изъ Павловска, Вѣра, Юнія, Арианъ, Ія и Нина Менделѣвы изъ Севастополя, Малютка Сира Холмогорцевъ изъ Челябинска, Боба Утакинъ, Оля и Соня Вѣльскія въ Спб., Таня Дудлѣва, Ученики Саздинскаго Начальнаго училища: Матвѣй Антоновъ, Николай Куда, Мягкій Яковъ, Полиховъ, Василій Конаковъ, Василій Цикаринъ, Григорій Зигало и ученицы: Анна Незванова, Татьяна Науменко, Евдокія Молдаванова, Садчинова и Наталья Антонова, Володя Левашовъ изъ Новороссійска, Сережа Надеждинъ изъ Екатеринодара, Алексѣй Марковъ изъ Курска, Шурикъ Остенъ изъ Поневѣжа, Володя Сенячевъ, Нина и Адя Барышниковы въ Спб., Оля Набокова изъ Самары, Леня Аеонскій изъ Бузулука, Андрюша Ѳедотовъ—Донской Казачекъ, и его тетя Таня Волкова-Бирюкова, Коля Маня и Лида Гладиллины изъ Самары, Талочка Цвѣтова, Соня Кузовкина, Вѣлая Лилия, Ирина и Юра Зубовскіе изъ Царскаго Села, Пузырь Ира изъ Галицына, Ирочка Рахтъ изъ Тифлиса, Коля Гавриловъ изъ Сандомира, Иосифъ Хайковъ, Е. А. Мравинскій, Наташа Кузьмина, Женя Лопуховичъ изъ Острополя, Саня изъ Кустаная, Наташа и Леня Сикевичъ, Зина и Лида Кружковы, Леша Пылаевъ изъ Митавы, Вася Моско изъ Телава, Люда Владыкина и Балакова, Шура Степановъ изъ Барабановки.

Ребусъ № 14.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоромъ переплетѣ по 3р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказѣ—по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ.

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

TRINITY A. L. L. L.

...

...

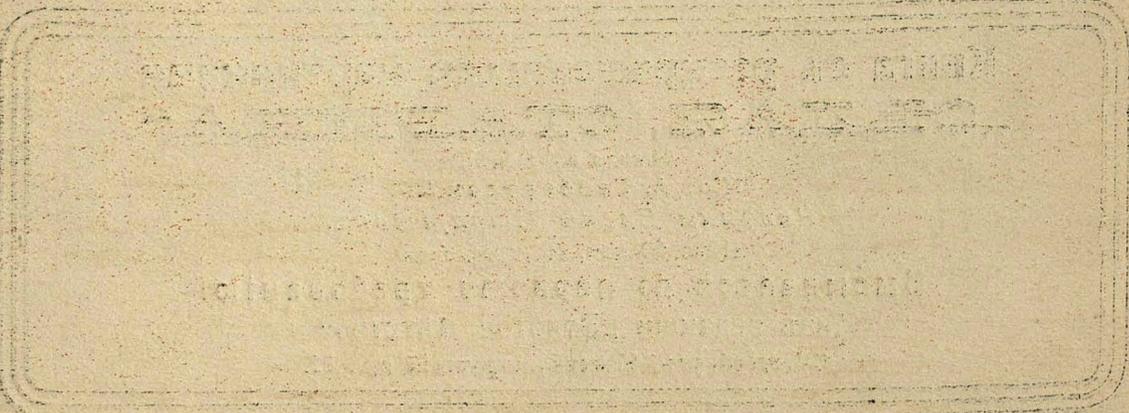
...

...

...

...

...

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на

художественно-литературный журналъ

ДЛЯ ДѢТВИ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

12 ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ. 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.
Перемѣна адреса—28 коп.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Книга съ раскрашенными картинками
„СЪДАЯ СТАРИНА“.

(Легенды о быломъ).

Соч. А. Гербертсонъ.

Рисунки Елены Страттонъ.

Цѣна 60 коп. съ пересылкой

Высылается по первому требованію

изъ редакціи „Золотое Дѣтство“

С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.